

Лу Юйань проснулся на рассвете, едва первые робкие лучи затеплились в окне.

Этим утром в его мыслях ещё колыхались обрывки ночного сна — зыбкие, полузабытые картины из далёкого детства.

Иногда ему казалось, что в прошлой жизни он был слишком упрям, цеплялся за то, чего не вернуть. Но сам-то он понимал: не знай он тепла вовсе, отпустил бы всё без сожалений.

Беда в том, что он помнил это тепло. Помнил, как оно согревало его. Те редкие крохи заботы были единственной, едва мерцающей звездой на некогда беспросветно темном небосводе его прежней жизни. Именно поэтому они и превратились в наваждение, в слепую, мучительную привязанность.

Но теперь пришло время разжать пальцы. Оставить прошлое позади и идти дальше.

Спустившись в гостиную, Юйань заметил на журнальном столике нарядную темно-синюю коробочку. Под ней белела записка, исписанная резким, размашистым и уверенным почерком Лу Ванбэя.

Очередной подарок от старшего брата. В детстве Лу Юйнин буквально не отлипал от Ванбэя. Провожая его, он всякий раз хныкал, размазывая слезы по щекам, и обещал послушно ждать возвращения. Со временем это стало традицией: уезжая, Ванбэй всегда привозил прилежному младшему брату какой-нибудь гостинец.

Когда Юйань вернулся в семью, Ванбэй, стараясь соблюсти видимость беспристрастия, начал одаривать и его.

Юйаню даже не нужно было вскрывать упаковку, чтобы догадаться, что внутри. Очередная перьевая ручка. Ванбэй дарил их из раза в раз — всегда разные, но одинаково бесполезные.

Когда-то он глупо радовался этим подношениям, хотя писать толком не умел. Радовался ровно до тех пор, пока не заметил точно такую же ручку в нагрудном кармане секретаря Ванбэя.

В прошлой жизни он тешил себя иллюзией: пусть отец его презирает, но брат хотя бы пытается быть справедливым. И лишь теперь, оглядываясь назад, он ясно видел всю фальшь, скрывавшуюся за этим равнодушием и безразличием.

Образ из далёкого детства — старший брат, который брал его с собой на баскетбольную площадку, ворчал, что из-за подвернутой ноги и глупого плача Юйаня сорвалась вся игра, но всё же тащил его домой на закорках — растаял без следа. Он превратился в такую же блёклую тень, как и персонажи его утреннего сна.

Для любого мальчишки старший брат — фигура особенная. Ванбэй долго оставался для него

именно таким. Но если рассудить здраво, брат ни в чём не был виноват перед ним. Юйань с самого начала своего существования приносил ему одни лишь неприятности.

Перед смертью мама оставила коллекцию своих полотен, среди которых была и её последняя, наполовину завершённая картина. Из-за исчезновения Юйаня все работы передали на хранение Ванбэю. В прошлой жизни Юйаню удалось отвоевать треть этого наследия, но после его безвременной кончины эти картины вернулись в поместье клана Лу, и Ванбэй без колебаний отдал их Юйнину.

А потом Юйнин влип в очередную историю. Пытаясь отомстить ему, недоброжелатели сожгли всю коллекцию. И пускай преданные защитники Юйнина не оставили виновных без наказания, мамино наследие было утрачено навсегда. Практически все её картины обратились в пепел.

Вокруг Юйнина вечно клубились какие-то нелепые, опасные неприятности. Юйань твёрдо решил вернуть картины как можно скорее. В его руках они будут в безопасности.

Ранним утром Юйань отправился на поиски брата. В спальне Ванбэя не оказалось, и юноша направился к спортивной площадке в глубине сада.

Эту баскетбольную площадку обустроили ещё в те годы, когда Юйань только привыкал к жизни в поместье клана Лу. Ванбэй обожал баскетбол и тренировался не щадя сил. В старших классах он капитанствовал в сборной Средней школы Цзиньань и привёл команду к золоту на национальном юношеском чемпионате. Ему даже прочили карьеру за рубежом и присылали приглашения на просмотры в иностранные клубы.

И пусть профессиональный спорт остался в прошлом, Ванбэй по сей день сохранял привычку к ежедневным тренировкам.

Ванбэй и не подозревал, что Юйань знал о нём задолго до своего возвращения в семью. Брат был старше на шесть лет. Когда он в составе школьной команды завоевал кубок, все окрестные мальчишки только и бредили его именем.

В районе, где рос Юйань, была захудалая уличная площадка. На летних каникулах Ванбэй часто заглядывал туда поиграть. Сам Юйань тогда подрабатывал у старика Ли: продавал ледяную воду, изнывая под палящим солнцем в обнимку с пенопластовой коробкой. Дни, когда приезжал Ванбэй, становились для него праздником. Вокруг собиралась толпа зевак, и прохладительные напитки раскупались вмиг. Слушая, как восторженно люди обсуждают мастерство Ванбэя, маленький Юйань с гордостью думал, что именно таким и должен быть настоящий старший брат.

Стоило Ванбэю подойти к нему, как Юйань из кожи вон лез, стараясь угодить. Со временем они даже стали обмениваться парой фраз. К концу лета Ванбэй мимоходом подарил ему свой старый мяч. Юйань тогда набрался храбрости и попросил расписаться на кожаном боку.

Об этой мимолётной встрече Ванбэй давно забыл. Юйань и представить не мог, что тот весёлый парень с площадки, чьё лицо и имя стёрлись из его памяти, окажется его родным братом. Возвращаясь в поместье клана Лу, он искренне радовался — верил, будто судьба наконец сжалилась и возвращает всё, что когда-то отняла.

Предчувствие не обмануло его: Ванбэй действительно тренировался на площадке. Чуть поодаль, обняв новенький мяч с автографом, тихо сидел Лу Юйнин. Из-за врождённой астмы любые физические нагрузки были ему противопоказаны. Судя по всему, этот мяч с автографом и был его гостинцем из поездки.

Юйань смутно помнил, как не так давно Ванбэй брал их на матч. Возле стадиона они проходили мимо спортивного магазина. Юйань тогда уставился на витрину, где лежал коллекционный мяч, не в силах отвести глаз — он сразу вспомнил тот, старый подарок из детства. Обернувшись, он поймал на себе пристальный взгляд брата. Но в итоге Ванбэй купил его и вручил Юйнину. Впрочем, Юйнин всегда обладал удивительным даром заставлять окружающих отдавать ему всё самое лучшее.

На Ванбэе была майка под номером 80. Напряжённые мышцы отливали влажным блеском. Тяжело дыша, он подпрыгнул и сделал бросок. Но в долю секунды, когда мяч сорвался с его пальцев, он почувствовал чужое присутствие и резко повернул голову в сторону Юйаня. Осечка. Мяч со звонким стуком ударился о край щита и срикошетил прямо в сидевшего на скамье Юйнина. Тот испуганно вскрикнул, пытаясь уклониться от летящего снаряда.

Но Юйань среагировал мгновенно. Он ловко перехватил мяч на лету и тут же, не задумываясь, послал его обратно в сторону кольца. Мяч плавно описал в воздухе безупречную дугу и с мягким шуршанием опустился точно в сетку. Не дав ему коснуться покрытия площадки, Ванбэй поймал его одной рукой. Обернувшись к Юйаню, он глухо спросил:

— Зачем пришёл?

Братья редко стояли вот так близко. Обычно Ванбэй носил строгие деловые костюмы, из-за чего пропасть между ними казалась непреодолимой. Но сегодня, в выходной, на Юйане было просторное серо-голубое худи, почти такого же оттенка, как спортивная форма брата. В профиль их сходство казалось удивительным — линии скул и подбородков совпадали почти один в один.

Юйнин с плохо скрываемой завистью переводил взгляд с одного на другого. Он опустил голову, крепче прижав к себе сувенирный мяч, но уязвлённое самолюбие и грусть отчётливо проступили на его лице.

Ведь этот мяч по-настоящему хотел именно второй брат. Сам Юйнин никогда не играл в баскетбол и совершенно не интересовался спортом, но Ванбэй почему-то упрямо всучил игрушку именно ему. По правде говоря, с тех пор как Юйань вернулся в дом, подарки старшего брата становились всё более странными. Порой казалось, что Ванбэй покупал их вовсе не для него. Но почему тогда он упорно отдавал их Юйнину, а не родному брату?

Старший брат явно дорожил Юйанем. Юйнин не раз замечал, как Ванбэй неосознанно следит за каждым шагом Юйаня, ловит его мимолётные жесты, хотя при личном общении оба вели себя подчёркнуто холодно. И это поразительное портретное сходство...

«Почему я не родился настоящим сыном этой семьи?»

В мыслях снова всплыл рисунок шестигранного дворцового фонаря, который он обнаружил у себя в комнате. Неужели это работа Юйаня? Нет, чепуха. Юйнин помнил, с какой первобытной яростью его брат ввязывался в драки. Разве может такой грубый уличный хулиган создать столь тонкую, дышащую благородной лёгкостью картину?

Отмахнувшись от непрошенных подозрений, Юйнин натянул привычную беззаботную улыбку и протиснулся между старшими.

— Братец, а ты чего это сюда заглянул? — весело поинтересовался он.

Юйань полагал, что вернуть картины матери не составит труда. Это её наследие, и он имел полное законное право забрать их. Однако стоило ему заговорить об этом, как атмосфера мгновенно накалилась.

Лицо Ванбэя потемнело. Он тут же вспомнил вчерашний день, когда Юйань общался с мастером Яном и Мо Иньюэ. Почему он не просил о картинах раньше? Зачем они понадобились ему именно сейчас? Что за игру он ведёт? Ванбэй нахмурился, решив, что характер брата ничуть не изменился: если уж Юйань вбивал себе что-то в голову, он шёл напролом, не считаясь ни с чем.

«Неужели ему действительно нужны только мамины холсты? Или за этим кроется нечто большее?»

Юйнин заметно занервничал. Хотя формально картины числились за Ванбэем, старший брат никогда не питал страсти к искусству, поэтому все полотна фактически находились в распоряжении Юйнина.

Ванбэй скрестил руки на груди и холодно осведомился:

— Юйань, с чего вдруг ты вспомнил о мамином наследии?

Заметив, как воровато забежали глаза Юйнина, Юйань язвительно парировал:

— Так они у него? Мне теперь даже заикаться о них нельзя?

Слова прозвучали резко, без обиняков. Ванбэй изменился в лице. Больше всего его задело то,

что прежний податливый Юйань никогда не позволял себе говорить с ним в столь дерзком, колючем тоне.

— Я лишь взял их на время, поучиться! — поспешно затараторил Юйнин, пытаясь сгладить углы.

В последнее время он часто советовался с дядей Яном, но мастер оставался глух к его потугам. Стремясь во что бы то ни стало заслужить одобрение наставника, Юйнин выпросил у старшего брата мамины работы. Ведь именно её манерой письма великий мастер восхищался больше всего.

Посчитав упрёк Юйаня слишком вызывающим, Ванбэй насупился:

— У Юйнина сейчас важный этап в учебе. Что плохого в том, что картины побудут у него?

— Свои вещи ты можешь отдавать кому угодно, мне плевать, — ледяным тоном оборвал его Юйань. — Но мои трогать не смей.

Теперь, когда он окончательно уяснил, что Ванбэй ему больше не брат, а преданный защитник Юйнина, чужое мнение перестало его волновать. Он больше не собирался наступать на горло собственной песне ради призрачного одобрения.

— Я проконсультировался с юристом, — спокойно, чеканя каждое слово, произнёс Юйань. — Ты не имеешь права распоряжаться моей собственностью без моего согласия. Передавать её третьим лицам на «временное хранение» — тоже. Или ты хочешь довести дело до суда, Ванбэй? Сомневаюсь, что тебе нужна такая огласка.

Юйань бил по самому больному месту. Ванбэй превыше всего ценил репутацию семьи. В прежней жизни у Юйаня была тысяча способов стереть Юйнина из своей жизни, но тогда он слишком дорожил чувствами брата и отца. Он боялся ранить их. Теперь же ему было глубоко плевать. Пускай гремит скандал, пускай имя семьи Лу мешают с грязью в прессе — его это больше не касалось.

Ванбэй мгновенно посуровел. Сделав шаг вперёд и нависая над младшим братом, он процедил:

— Не смей качать права, Юйань! Перестань быть таким эгоистом!

— Разве не таким вы меня всегда считали? — Юйань презрительно усмехнулся. — Я просто оправдываю ваши ожидания.

— Это я во всём виноват! — встрял между ними Юйнин, преданно заглядывая Юйаню в глаза. — Братец, я просто поддался глупому любопытству и взял их без спросу. Я сейчас же всё верну, честное слово!

Он заговорил быстро-быстро, торопясь взять удар на себя, лишь бы не допустить открытой ссоры между братьями. Как и прежде, в любой спорной ситуации он привычно разыгрывал карту невинной жертвы, идя на любые уступки ради сохранения хрупкого мира в доме.

Глядя на эту покорность, Ванбэй почувствовал, как в груди закипает глухая злость на Юйаня. Он резко повернулся к нему, ожидая увидеть на его лице злорадную ухмылку победителя. Но Юйань стоял совершенно неподвижно. В его глазах не было ни триумфа, ни злости — лишь бесконечное, леденящее равнодушие.

Юйань даже бровью не повёл на эту тираду. Он лишь сухо обронил:

— Раз уж признаёшь вину, извинись. За проступки принято просить прощения, ведь так?

На площадке повисла мёртвая тишина. Юйнин застыл с полуоткрытым ртом.

Прежде Юйань сторонился его, игнорировал и не скрывал неприязни, но никогда не опускался до открытых унижений. Юйнин до последнего питал иллюзию, что если он приложит ещё немного усилий, покажет свою кротость, брат растает, и в семье воцарится гармония. А сейчас его ткнули носом в суровую реальность. Подобная жестокость со стороны Юйаня была в новинку.

Одно дело — театрально признать оплошность, зная, что тебя тут же бросятся утешать, и совсем другое — выдать из себя официальное извинение. Окружающие всегда сдували с Юйнина пылинки, прощая любые капризы за одну лишь кроткую улыбку. Ему ещё никогда не приходилось всерьёз произносить эти унижительные слова.

Но раз уж назвался груздем, отступать поздно. Если промолчать теперь, его раскаяние покажется фальшивым даже Ванбэю. Щеки Юйнина вспыхнули пунцовым румянцем. Замявшись на секунду, он выдавил сквозь зубы:

— Прости меня.

— Я услышал, — безучастно кивнул Юйань.

На самом деле это извинение предназначалось не ему, а изрезанным и сожжённому в будущем картинам его матери. За то, что Юйнин отнёсся к ним как к дешёвым реквизитам своего тщеславия.

— И ещё, — Юйань небрежным жестом выудил из кармана футляр и швырнул его обратно брату. — Мне эти побрякушки без надобности. Избавь меня от них впредь.

Ванбэй рефлекторно поймал коробку левой рукой. На синем глянцевом картоне не было ни единой царапины — подарок даже не потрудились распаковать. Растерянно моргнув, Ванбэй

вскинул голову, но застал лишь удаляющийся силуэт младшего брата.

Губы Ванбэя невольно дрогнули, имя брата едва не сорвалось с языка, но он вовремя опомнился и стиснул зубы.

«Пусть катится на все четыре стороны. Тоже мне, трагедия. Буду я ещё бегать за ним».

Но его пальцы сжимали синий футляр с такой силой, что картон жалобно хрустнул, а дорогая подарочная бумага смялась в бесформенный комок. Ванбэй этого даже не заметил.

Юйань ушёл, оставив их позади. Вскоре картины мамы были бережно упакованы и перенесены в его комнату.

В прошлой жизни, стоило ему отпраздновать совершеннолетие, к нему явился адвокат. Из беседы с ним Юйань с удивлением узнал, что покойная мать до последнего вздоха изнывала от тревоги за его судьбу. Она панически боялась оставить его одного в этом холодном мире без гроша в кармане и надёжной опоры.

Мама не просто открыла несколько благотворительных фондов на его имя — она составила подробное завещание, гарантирующее ему безбедное существование до конца дней. Именно это знание согревало его в самые мрачные минуты перед смертью в прошлой жизни. Он твёрдо знал: на этой земле был человек, который любил его чистой, безусловной любовью. Пусть её земной путь и оборвался слишком рано. Он успел подарить ей лишь короткую вспышку счастья в детстве, но она оплатила этот долг, оберегая его своей нежностью всю жизнь.

<http://bllate.org/book/19801/1995417>